

Глава 7

Проворочавшись всю ночь, Фан Синьгу чувствовал себя разбитым. После тяжёлой болезни он и так был слаб телом, а теперь ещё и затылок начало простреливать пульсирующей болью.

Не в силах больше сдерживать накопившееся раздражение, юноша решил не спать. Встав с кровати, он распахнул шторы, и комнату залил яркий лунный свет. Он сел за рояль и в полумраке принялся беспорядочно нажимать на клавиши, извлекая из инструмента обрывки мелодии.

Звуки были далеки от гармонии — резкие, рваные. Он играл с яростью, вкладывая в каждое нажатие всю свою досаду и гнев, так что рояль превратился в ударный инструмент.

К счастью, это был отдельный дом, иначе соседи непременно пожаловались бы на ночной шум.

Проиграв одну и ту же мелодию три или четыре раза, он внезапно замер.

Словно выпустив пар, Фан Синьгу вздохнул и минут десять неподвижно смотрел в окно. Когда он снова пришёл в себя, то был уже совершенно спокоен. Опустив взгляд на чёрно-белые клавиши, он снова коснулся их, и полилась новая мелодия.

Мотив был тот же, но теперь резкие, угловатые ноты сменились плавными, певучими переливами. Однако основной тон остался прежним — печальным и тяжёлым, словно воспоминание о чём-то утраченном.

Музыка звучала до самого рассвета. Лишь когда за окном защебетали птицы, а небо на востоке начало светлеть, ночь наконец отступила.

Фан Синьгу устало потёр глаза, записал получившуюся мелодию и вышел на балкон подышать. Золотая осень, октябрь. Прохладный утренний ветерок трепал его волосы и успокаивал разгорячённое сердце.

Он рассеянно смотрел вдаль, как вдруг снизу донёсся лай.

— Гав! Гав-гав!

Юноша опустил взгляд и увидел, как из лаза в стене, разделявшей участки семей Фан и Цзин, показалась пушистая белая голова.

Он улыбнулся.

— Цюаньцюань!

Большая белая собака принялась, подняла голову на звук и, кажется, узнала его. Она радостно залаяла и, отчаянно заработав лапами, с усилием протиснулась сквозь лаз. Вырвавшись на свободу, самоед со всех ног бросился к дому. Белая шерсть пса развевалась на бегу, а лапы от восторга едва касались земли.

Фан Синьгу со смехом спустился вниз, чтобы встретить его. Пёс с разбегу налетел на него, сбив с ног, и от возбуждения прижал уши к голове, став похожим на маленького тюленя. Он тыкался мордой в лежащего на земле юношу и жалобно поскуливал от радости.

Фан Синьгу обнял его за белоснежную голову и несколько раз потрепал.

— Хороший мальчик, соскучился по брату?

Собака не могла ответить, но её влажные глаза не отрывались от лица юноши, и она, тихонько похрюкивая, тёрлась о него.

Наконец Фан Синьгу сел и пощупал бока Цюаньцюаня.

— Ты растолстел или просто оброс? Лаз только недавно расширили, а ты уже еле пролезаешь.

— И-и-и...

— Пойдём, выведу тебя на прогулку, будешь худеть, — поддразнил он, щёлкнув пса по упругому уху.

— Гав!

Фан Синьгу достал из шкафа жёлтую собачью шапочку и надел её на Цюаньцюаня. Уши самоеда торчали из отверстий сверху, и он послушно сидел на полу, глядя на человека.

Фан Синьгу не удержался от умиления, взял его большую голову в руки, полюбовался секунду и чмокнул в нос.

— Отлично! Красавец!

Пёс высунул язык и глупо улыбнулся.

Пристегнув поводок и надев маску с кепкой, Фан Синьгу вышел из дома. Они неспешно побрели по улочкам Цзянчэна.

Пару дней назад прошёл осенний дождь, и заметно похолодало. Цветение османтуса подходило к концу, и в воздухе витал его лёгкий, сладковатый аромат.

Прогулка была скорее для него самого, чем для собаки. Всё внимание Цюаньцюаня было сосредоточено на Фан Синьгу. Пёс слегка прихрамывал на заднюю лапу и всё время шёл рядом, то и дело заглядывая юноше в лицо и не отходя ни на шаг. Улица его почти не интересовала. А вот Фан Синьгу то и дело останавливался, с интересом разглядывая всё вокруг.

Он вырос в Цзянчэне и прекрасно знал этот город. Хотя за последние годы муниципальное строительство преобразило окрестности, суть осталась прежней. Городская суета, знакомый дух — Цзянчэн был всё тем же, каким он его помнил.

...Даже слишком знакомым. Просто идя по улице, он вспоминал, как они с Цзин Итуном в детстве носились по этим переулкам.

«Зря я вернулся, — подумал он. — Здесь слишком много воспоминаний»

— Гав-гав!

Словно почувствовав его задумчивость, Цюаньцюань легонько хлестнул его по ноге хвостом. Фан Синьгу очнулся и посмотрел на пса.

Ну да, даже Цюаньцюаня они подобрали вместе. Ещё одно общее воспоминание.

Но что поделаешь? Они выросли вместе, их связывало слишком многое. Отпустить прошлое за один день было невозможно.

Нужно просто время.

Устав, они присели на скамейку. Лишь услышав вдалеке гудок, Фан Синьгу понял, что они сидят у канала.

Цзянчэн был городом на воде, пронизанным сетью рек и каналов. Даже этот Первый канал, существующий уже более тысячи лет и до сих пор оживлённый, был лишь одной из многих его водных артерий.

Но для семьи Цзин этот канал имел особое значение. Именно благодаря ему они, начав с простых лодочников, со временем создали бизнес речных перевозок, а затем выросли в лидера морских грузоперевозок, постоянно расширяя свою империю.

Но чем больше становился бизнес, тем больше возникало проблем.

Он как раз думал об этом, когда завибрировал телефон. По иронии судьбы, это был Цзин Итун.

Тот сразу перешёл к делу:

[Вернулся в Цзянчэн?]

Фан Синьгу на мгновение замер, прежде чем ответить:

[Бабушка сказала?]

[Угу, она попросила меня привезти ей кое-что из провинции Янь и как раз упомянула тебя]

Фан Синьгу сфотографировал пушистую макушку Цюаньцюаня и отправил Цзин Итуну:

[Выгуливаю собаку]

[...Кажется, он снова растолстел]

Фан Синьгу вступился за питомца:

[Отец не попрекнёт сына весом. Пёсик просто пушистый]

Цзин Итун рассмеялся:

[Не верю]

«И как ты это проверишь? — подумал Фан Синьгу. — Не прилетишь же ты из провинции Янь специально, чтобы потискать собаку»

В следующую секунду его телефон снова загудел — Цзин Итун звонил по видеосвязи.

Фан Синьгу запаниковал. С чего это тот вдруг, ни с того ни с сего, решил позвонить по видеосвязи!

«Отвечать или нет?»

Цюаньцюань, заметив его напряжение, обеспокоенно ткнул носом ему в колено. Фан Синьгу посмотрел на него.

— Цюаньцюань, твой папа хочет тебя видеть.

Но собака не понимала человеческой речи и лишь невинно склонила голову набок, тихо урча.

...Ладно, нельзя же лишать отца права видеть своего ребёнка.

Фан Синьгу принял вызов, но забыл переключить камеру на основную. В ту же секунду на экране появилось его лицо, и в момент установления связи их взгляды с Цзин Итуном встретились. Оба на мгновение замерли.

К счастью, Фан Синьгу был хорошо замаскирован, виднелись лишь глаза, так что он не выдал своего смущения.

— Зачем так прячешься? — невольно спросил Цзин Итун.

Фан Синьгу тут же отвёл взгляд и поправил кепку.

— Я на улице. Как-никак, я теперь публичная личность.

Цюаньцюань, услышав знакомый голос, запрыгнул на скамейку и прижался к хозяину, с любопытством заглядывая в экран. Его огромная голова заняла почти весь кадр и чуть не столкнула юношу со скамейки.

— Эй, эй! — Фан Синьгу с трудом удержал равновесие и отодвинул пса в сторону.

В итоге они так и сидели, тесно прижавшись друг к другу перед маленьким экраном. Цзин Итун, глядя на них, не удержался от смеха.

— Мило.

— Очень мило, — согласился Фан Синьгу, почёсывая собаку за ухом.

Словно поняв, что его хвалят, Цюаньцюань гордо выпятил грудь, а его хвост замелькал, как пропеллер. Но серьёзности хватило ненадолго, и он снова радостно уткнулся в Фан Синьгу, оставив на его одежде облако шерсти.

Улыбка Цзин Итуна стала ещё шире. И собака милая, и человек тоже.

Фан Синьгу с трудом отстранил Цюаньцюаня, но так и не посмотрел на собеседника, продолжая возиться с псом.

Цзин Итун, видя, что тот упорно избегает его взгляда, почувствовал укол досады и снова перевёл внимание на питомца.

— Он точно не поправился?

Особенно рядом с похудевшим Фан Синьгу контраст был разительным. Очень толстый пёс и очень худой человек.

— ...На самом деле, он сегодня чуть не застрял в лазе, — признался Фан Синьгу.

— Но его же только недавно расширили? — Цзин Итун посмотрел на Цюаньцюаня. — Цюаньцюань, тебе правда пора худеть.

— Слышал? Пора худеть, — Фан Синьгу ткнул собаку в бок и спросил Цзин Итуна: — Ты скоро заканчиваешь съёмки?

— Да, ещё где-то полмесяца.

— Если будет время, приезжай в Цзянчэн. Цюаньцюань наверняка по тебе соскучился, — сказал Фан Синьгу, полужёжа на собаке.

— Хорошо, — голос Цзин Итуна стал заметно мягче. — А ты?

Сердце Фан Синьгу пропустило удар.

«Я? Что я? — у него пошла кругом голова. — Спрашивает, соскучился ли я?»

Что ответить? Сказать «да» — слишком интимно. Сказать «нет» — прозвучит неестественно. Любой ответ покажется странным. Зачем Цзин Итун вообще задаёт такие вопросы?

Пока он лихорадочно перебирал варианты, Цзин Итун, выдержав паузу, закончил фразу:

— А ты? Ты ещё будешь в Цзянчэне?

Фан Синьгу:

— ...А, ты об этом.

Он облегчённо выдохнул, скрывшись от камеры.

— Да, я пробуду здесь ещё больше полумесяца.

Он несколько не беспокоился, что они могут встретиться. Через полмесяца, когда Цзин Итун закончит съёмки, у того наверняка накопится много дел, и он не сможет сразу приехать в Цзянчэн. А через месяц сам Фан Синьгу уже отправится в Антарктиду. Их графики не пересекались.

Цзин Итун, очевидно, понимал это. Нескольких дней разницы было недостаточно, чтобы они смогли увидеться. Он планировал вернуться в Цзянчэн, чтобы поговорить с Фан Синьгу лично, но теперь, похоже, не успеет.

— Значит, не увидимся.

— Да, да, — с готовностью поддакнул Фан Синьгу. И слава богу.

— Ничего, — приободрился Цзин Итун. — Может, скоро снова встретимся.

В этот момент в дверь его комнаты постучали. Это был его менеджер, Сун Кань.

— У меня тут дела, я отключаюсь. Пока, — улыбнулся Цзин Итун.

— Да, пока.

Завершив звонок, Цзин Итун открыл дверь.

Войдя, Сун Кань увидел улыбающееся лицо артиста, его взгляд был таким мягким, что у менеджера по спине побежали мурашки.

— С кем это ты так любезничал, что аж светишься?

Цзин Итун убрал телефон.

— Ни с кем.

Сун Кань закатил глаза и перешёл к делу:

— Я всё разузнал. Твой дорогой братец собирается участвовать в музыкально-туристическом шоу «Мир огромен». Я отправил тебе всю информацию.

Цзин Итун открыл файл, и его внимание сразу привлекло место съёмки.

— Антарктида?

— Говорят, Фан Синьгу сам выбрал это шоу, — протянул Сун Кань. — Не понимаю, о чём он думает. У меня от одного этого слова мороз по коже. К тому же, команда там неизвестная.

— Он всегда хотел побывать в Антарктиде, — задумчиво сказал Цзин Итун. — Состав участников уже полный?

— Не поверишь, но популярность Фан Синьгу сейчас просто зашкаливает. Шоу было настолько провальным, что они не могли набрать людей, но как только объявили о его участии, проект тут же ожил. Некоторые даже пытались подкупом вытеснить уже утверждённых молодых артистов, но, к счастью, съёмочная группа проявила принципиальность.

Цзин Итун постучал пальцами по столу.

— Значит, состав набран?

— Ещё нет, осталось одно место. Я попросил придержать его для тебя. Ты уверен, что хочешь участвовать?

— Да, график как раз подходит. Свяжись с ними.

Сун Кань не стал задавать лишних вопросов. В конце концов, это был первый сольный проект Фан Синьгу после роспуска Nebula, и вполне естественно, что Цзин Итун, как старший брат, хотел его поддержать.

<http://bllate.org/book/13481/1663770>